

М. М. ГОРЕЛОВ

«ПАНЕГИРИК КОРОЛЕВЕ ЭММЕ»: СВИДЕТЕЛЬСТВО ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ ИЛИ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ПРОПАГАНДА?

В статье рассматривается памятник XI в., прославляющий иноземную датскую династию, которая правила в Англии в 1017–1042 гг. «Панегирик королеве Эмме», созданный по заказу датских правителей, представляет собой яркий образец средневековой риторичности и, одновременно, крайней субъективности, выставляя в выгодном заказчикам свете политическую ситуацию в стране и вопросы престолонаследия. Ставится вопрос: можно ли считать этот текст свидетельством исторической памяти англосаксов об эпохе датского господства.

Ключевые слова: панегирик, Эмма, Кнут, датский, англосаксы, престол.

Среди не отличающихся многочисленностью нарративных источников по истории Англии первой половины XI в. несколько особняком стоит «Панегирик королеве Эмме» (“Encomium Emmae Reginae”) — отчасти потому, что является нарративом весьма своеобразным. Он находится как бы в тени столь величественных памятников того времени, как, например, «Англосаксонская хроника» — главный летописный источник донормандского периода. На изучение «Панегирика» накладывает свой отпечаток и тот факт, что произведение это в такой же мере риторическое, сколь и повествовательное, и это обстоятельство не может не осложнять анализ содержащихся в нём сведений. Порой за пышной риторикой автора, обусловленной самим характером произведения, совершенно теряется сколько-нибудь правдоподобная историческая канва излагаемых событий, либо они преподносятся крайне однобоко и превратно, что, конечно, не является исключением ни для средневековых нарративов, ни для повествовательных источников любой эпохи вообще, но в «Панегирике» эта черта проступает особенно рельефно. Вместе с тем, ставя вопрос о том, может ли служить данный источник надёжным средством отображения исторической памяти современников о политических событиях английской истории первой половины XI в., следует учитывать то обстоятельство, что фонд нарративных источников для того периода вообще не отличается богатством и многообразием. Практически бесписьменное традиционное, сельское общество раннесредневековой Европы, в котором грамотой владели лишь клир и не-

многочисленные образованные представители знати, не обладало богатой литературной традицией. Это в значительной мере относится и к историописанию, которое в те времена фактически являлось прерогативой приближённых к правящим кругам церковных историографов, работавших обычно в монастырях — древних центрах интеллектуальных традиций, книжности, письменной культуры. Поэтому в условиях относительной бедности источниковой базы историку приходится максимально использовать все имеющиеся тексты.

Переходя непосредственно к рассмотрению «Панегирика королеве Эмме», необходимо хотя бы вкратце изложить исторический контекст тех событий, по мотивам которых он был написан. Это события датского завоевания Англии в начале XI в. и последующего правления в этой стране иноземной, датской династии. Датское завоевание во второй половине XI в. в исторической памяти англичан последующих поколений было сильно оттеснено на задний план другим иноземным завоеванием — нормандским, которое повлекло за собой гораздо более существенные, фундаментальные сдвиги в политической, экономической, правовой, культурной сферах жизни английского общества. Между тем, датский период в истории Англии ничуть не менее интересен для исследователя, если рассматривать его без предвзятых точек зрения, ранее бытовавших в отечественной историографии по причине «формационного» подхода, согласно которому нормандское завоевание стадийно изменило развитие английского общества и потому более значимо, чем датское, которое таких изменений с собой не несло.

Датское завоевание Англии произошло в результате серии вооружённых конфликтов между складывавшейся молодой скандинавской державой и Англией, у руля управления которой на рубеже двух столетий оказался король Этельред Нерешительный (978–1016). В результате ряда неудачных обстоятельств и слабости управления, обусловленной во многом личными качествами монарха, Англия не сумела эффективно противостоять нашествиям скандинавских завоевателей, начавшимся как хорошо известные и прежде набеги викингов, а закончившимся полномасштабной войной, которую вело поднимающееся раннее датское государство с его прекрасно организованными и подготовленными вооружёнными силами, детищем короля-воина Свена Вилобородого и его предков. Несмотря на то, что в англо-датских столкновениях, длившихся с незначительными перерывами с 1003 до 1016 г., англосаксы оказывали скандинавам ожесточённое сопротивление, порой добиваясь значительных успехов, а порой даже совершая героические деяния, вошедшие в эпическую традицию (см. англосаксонскую поэму «Битва при

Мэлдоне»), общее руководство английскими войсками и администрацией было неэффективным, и страна скатывалась в глубокий кризис, усугублённый стихийными бедствиями, а также предательским поведением многих представителей правящей знати, искавшей компромисса с завоевателями во имя собственного спасения. В результате наступательная инициатива полностью перешла в руки датчан, а внезапная смерть наследника Этельреда Эдмунда Железнобокого, оказывавшего наиболее действенное сопротивление датчанам, побудила английскую правящую элиту признать новым монархом датского претендента Кнута — сына Свена Виллобородого, скончавшегося в ходе военных действий в Англии. Кнут вместе с отцом возглавлял кампанию датской армии в Англии и постепенно завоевал симпатии английского общества своими качествами умного и созидательного государственного лидера, получив со временем прозвище «Великий». Вместе с тем, для самого Кнута именно Англия была оптимальным местом для политической карьеры, поскольку в самой Дании, на его родине, престол занял его старший брат согласно порядку наследования трона. Таким образом, Кнут в 1017 г. стал правителем именно Англии, и лишь потом воссоединил со своей новой державой Данию, а также Норвегию, что в совокупности составило так называемую «Империю Кнута Великого» — значительное, но непрочное государственное образование, которое, как и многие другие ранне-средневековые «империи» подобного типа, распалось вскоре после смерти своего основателя (1017–1035)¹.

Отметить, что сам факт восшествия на престол иноземного монарха вовсе не был чем-то экстраординарным как для Средневековья, так и других периодов истории человечества. Приняв нового монарха и новую династию на своём престоле, английская знать фактически «голосовала» за стабильность и сильного лидера, который в результате и дал стране эту самую стабильность после долгих лет войн и бедствий, преследовавших страну в правление Этельреда. С другой стороны, важную роль сыграло то, что Англия за предыдущие полтора столетия в этнокультурном плане оказалась плотно вписанной в «мир викингов»: во-первых, ввиду родственного этнического происхождения самих англосаксов и скандинавов, во-вторых, по причине широкого расселения скандинавских колонистов по Британским островам, в результате чего этот этнический элемент прочно вошёл в формирующуюся английскую народность. Это особенно облегчалось упомянутым этнокультурным родством: с принятием христианства и переходом к оседлой жизни у

¹ Подробнее см.: Горелов. 2007.

скандинавских пришельцев, по сути, не осталось никаких причин для серьёзных противоречий с коренным населением Англии, а покорение английской короной независимых скандинавских правителей на английской территории в X в. привело к слиянию двух этнокультурных элементов в рамках теперь уже единого государства. Относительно безболезненное «усвоение» новой волны датчан, пришедших с Кнутом, на английской земле было фактически подготовлено этим вековым процессом, в ходе которого английское общество стало, по сути, англоскандинавским. Новые пришельцы совершенно не потрясли его культурных основ и политических традиций, напротив, участь у англосаксов более древним и развитым традициям в политической, экономической, культурной областях и обогащая тем самым строительство молодой государственности и культуры в рамках северной империи Кнута.

Вместе с тем, взойдя на английский престол, Кнут столкнулся с необходимостью выработки внутривнутриполитического курса, должного способствовать национальному примирению вчерашних противников, преодолению негативной памяти о недавней войне, в которой обе стороны понесли тяжёлые людские и материальные потери. Такой курс был с успехом воплощён в жизнь, опираясь на идею единения всех подданных нового монарха, независимо от этнического происхождения. Ключевую роль в реализации этого курса сыграли, во-первых, кадровые перестановки в рядах правящей элиты, в результате которых англосаксы не испытывали никакой дискриминации по сравнению с победителями-датчанами, а порой занимали даже и более значимые посты; во-вторых, равенство англосаксов и скандинавов в правах и обязанностях перед государством; и, в-третьих, создание образа «христианского государя», которое Кнут произвёл при активной поддержке английской церкви, платя ей за это сторицей. Наконец, чтобы подчеркнуть преемственность своей власти со старыми английскими традициями, Кнут вступил в брак с вдовой прежнего английского короля Этельреда Нерешительного — Эммой, которой официально и посвящён «Панегирик».

Рассматривая биографию Эммы, приходится вернуться назад; в 1002 г. Эмма, дочь герцога Нормандии Ричарда I (942–996), стала женой Этельреда Нерешительного, для которого данный брак преследовал скорее политические цели, а именно — улучшение отношений с соседней Нормандией, из портов которой викинги совершали набеги на Англию, в полной мере используя удобство близких к английскому побережью баз. Династический брак с Эммой дал ожидаемые результаты: порты Нормандии отныне были закрыты для скандинавских пиратов, атаковавших Англию. С этого момента англо-нормандские связи неук-

лонно укрепляются, обернувшись в итоге, между прочим, таким неожиданным результатом как нормандское завоевание Англии во второй половине XI в. Более того, именно в Нормандии нашла убежище и поддержку английская королевская семья в 1014 г., когда Англия после ряда поражений была практически оккупирована победоносными датскими войсками. В Нормандии, на родине своей супруги, Этельред черпал ресурсы для организации вооружённого отпора датчанам в 1014–16 гг., и весьма небезуспешно. Что же касается второго брака Эммы — с Кнудом Великим — то он, по всей видимости, как и первый, имел в первую очередь политические цели. Собственно, у Кнута уже была постоянная сожительница — англичанка Эльфгифу, дочь эрла Нортгемптонского, союз с которой не был освящён церковью и потому не считался легитимным, но это обстоятельство ничуть не помешало детям Эльфгифу впоследствии участвовать в междоусобной борьбе за престол. Законный же брак с Эммой служил прежде всего тому, чтобы подчеркнуть преемственность власти нового короля с прежними монархами из английской (уэссекской) династии, тем самым работая на общую идею примирения между завоевателями и побеждёнными и как бы легитимизируя воцарение иноземной династии в стране. Кроме того, этот брак нейтрализовал потенциально враждебную датчанам Нормандию, в которой укрывались представители английской династии, изгнанной датчанами².

Забегая вперёд, отметим, что в браке с Кнудом Великим Эмма родила сына Хардакнута, а после смерти Кнута приняла активное участие в междоусобице, разгоревшейся в конце 1030-х гг. между сторонниками Хардакнута и потомками Эльфгифу во главе также с сыном Кнута Харальдом. Борьба шла с переменным успехом и, хотя увенчалась победой Хардакнута (и Эммы), царствовать ему пришлось всего два года (1040–1042). После его внезапной смерти на английский престол вернулась другая линия потомков Эммы в лице её сына от Этельреда — Эдуарда Исповедника, росшего в эмиграции в Нормандии; это означало реставрацию старой уэссекской династии. Таким образом, не совершив каких-либо великих политических деяний, Эмма Нормандская, волей судьбы оказалась в эпицентре династической борьбы за английский престол, причём сразу в несколько судьбоносных моментов. В этой связи вдвойне небезынтересно исследовать текст, посвящённый этой исторической личности, чья судьба совпала с переломными для страны событиями.

«Панегирик королеве Эмме» (“*Encomium Emmae Reginae*”) является едва ли не единственным, помимо «Англосаксонской хроники», нар-

² Подробнее см.: *Stenton*. 1943.

ративным источником эпохи датской династии (1017–1042), повествующим о датском завоевании и правлении Кнута Великого. Текст написан около 1041 г. неизвестным монахом французского монастыря Сент-Омер (но писавшим его в монастыре Сен-Бертен). Об авторе из его же текста известно лишь то, что он встречался с Кнутом во время поездки того в Рим в 1031 г., а также то, что он писал это произведение по заказу самой Эммы. Судя по всему, Эмма выбрала автора как на основе личного знакомства, так и под благоприятным впечатлением от его писательских талантов. В «Панегирике» всячески превозносятся добродетели Эммы и подводится фундамент легитимности престолонаследия в пользу Хардакнута. Для лучшего выполнения этой задачи автор слагает дифирамбы в адрес предков Хардакнута из датской династии — Кнута Великого и Свена Вилобородого, завоевателей Англии. Само же завоевание, как и обстоятельства восшествия на английский престол двух упомянутых монархов, описаны в весьма общих чертах и с присущей более поздним рыцарским романам цветистостью. Как отмечает видный английский источниковед А. Грансен, «риторический элемент сильно снижает ценность “Похвалы” как исторического источника»³.

Структура произведения выглядит следующим образом. Пролог содержит пространное посвящение Эмме Нормандской, полное изысканных комплиментов и написанное высоким риторическим стилем. Эта же линия продолжается во введении («Аргументе»), в котором автор обращается также к читателю и подчёркивает, что основная цель произведения — восхваление Эммы⁴. Кроме того, с не меньшим пафосом он возносит здесь похвалы монархам датской династии, проводя параллели между «Панегириком» и аналогичными трудами античных авторов в честь римских императоров⁵. Наконец, он обрисовывает краткое содержание своего повествования, которое затем более детально раскрывается в трех основных главах «Панегирика».

Первая из них посвящена приходу к власти в Дании Свена Вилобородого, выдержавшего нелёгкую борьбу за престол со своим отцом Харальдом Синезубым, которая вылилась в военное столкновение и победу Свена. Далее в главе описаны походы Свена на Англию, англо-датские войны и смерть Свена от старости в ходе этих войн, накануне полной победы датчан. Вторая глава посвящена Кнуту, который продолжил дело умершего отца, завершил завоевание Англии, выдержав

³ Gransden. 1974. P. 58.

⁴ Encomium Emmae Reginae. 1949. (Далее — EER). P. 6, 8.

⁵ Ibid. P. 6.

ряд сражений с ещё оказывавшими сопротивление англосаксами, и, наконец, взойшёл на английский престол ввиду внезапной смерти своего главного противника — английского короля Эдмунда Железнобокого, с которым первоначально Кнут уже почти договорился о разделе страны на два королевства (как это уже было в IX в.). Далее в главе вкратце описывается правление Кнута, его мудрая внутренняя политика, благодеяния по отношению к английской церкви, праведность и набожность государя, его паломничество в Рим и, наконец, смерть. Помимо прочего, автор описывает в этой главе свои личные впечатления от созерцания Кнута во время посещения королём монастырей Сент-Омер и Сен-Бертен в ходе поездки в Рим. Наконец, в третьей главе «Панегирика» рассказывается о женитьбе Кнута на Эмме Нормандской, превозносятся добродетели обоих супругов и их детей, а затем излагается история междоусобной борьбы за английский престол после смерти Кнута между потомками Эммы и Эльфгифу, причём автор приписывает первым однозначно позитивные черты, а вторым — подчёркнуто негативные.

Хотя на автора — представителя просвещённого клира, писавшего на латыни, безусловно, оказали влияние образцы античной словесности⁶, текст «Панегирика» в своей основе имеет гораздо больше общего с эпическими сказаниями в духе более поздних рыцарских романов (чьи сюжеты в значительной степени базировались на раннесредневековых легендах, будь то повествования о Роланде, Тристане и Изольде, короле Артуре и рыцарях Круглого Стола или стихотворные произведения вроде «Песни о Нибелунгах» и др.) Сам автор неоднократно подчёркивает свою принадлежность к латиноязычной церковной культуре, то скрупулёзно переводя английские названия населённых пунктов, рек и прочих географических объектов на латынь, то ссылаясь на Вергилия, то прямо говоря о себе и своей культурной среде “*nos Latini*”⁷. Однако, если сопоставить «Панегирик» с таким известным трудом, как биография Карла Великого, написанная Эйнхардом двумя столетиями раньше, то, невзирая на сходство жанра и задач, декларируемых авторами, можно заметить, что Эйнхард в большей степени следовал модели Светония с его жизнеописаниями римских цезарей, тогда как автор «Панегирика» предпочитает именно эпический акцент, часто пренебрегая точностью и подробностью изложения в угоду эмоциональной и напыщенной словесности, присущей героическим сказаниям; отводит очень много места, например, величественному виду кораблей и войска, отправляющих-

⁶ EER, Introduction. P. xxiv.

⁷ EER. P. 24.

ся на войну; целые страницы посвящены описанию сверкающих на солнце доспехов, гордой стати воинов, героических эмоций сражающихся и т.п.⁸ Вместе с тем, таким важнейшим моментам, как, например, обстоятельства прихода к власти Свена Вилобородого в Дании, уделено очень мало места. То же самое в полной мере характерно по отношению к описаниям английских правителей, противостоявших датской агрессии: пожалуй, единственный из них, удостоенный автором более-менее пространного упоминания — это Эдмунд Железнобокий, да и то он интересует его скорее как эпический герой, храбрый воин, сражавшийся на равных со своим противником Кнутом⁹. Об остальных представителях английского королевского дома, в частности — об Этельреде, на время царствования которого и пришлось наибольшее количество англо-датских столкновений, не говорится практически ни слова. Между тем, фигуры датских королей-завоевателей Свена и Кнута, вокруг которых вращается повествование, рассматриваются как исключительные позитивные, носители всех мыслимых и немыслимых добродетелей, именно в таком свете, в каком обычно освещаются положительные главные герои в эпических произведениях. Таким образом, «Панегирик» хотя и следует собственно панегирическим задачам, воспевая добродетели главных персонажей, но в то же время может быть отнесён и к эпическому жанру, поскольку представляет развёрнутую картину реализации героями своих позитивных качеств и талантов на фоне масштабных политических, военных, государственных событий, служащих как бы обрамлением для светлого образа самих героев.

По мнению британского издателя и комментатора «Панегирика» А. Кэмпбелла, автор произведения был знаком с жизнеописанием английского короля Альфреда Великого, написанного Ассером, а также с нормандским памятником «Деяния первых герцогов Нормандии»¹⁰, написанным Дудо из Сен-Квентина в 996–1015 гг. как раз по указанию отца Эммы. Эти произведения и могли служить для панегириста в известной мере образцами по манере и стилю изложения¹¹.

Ещё одна характерная черта такого рода произведений — дидактически-морализаторские мотивы, связанные как с религией, так и с нормами обыденной морали дохристианского происхождения. Примером первых может служить отношение автора к двум линиям потомков Кнута

⁸ См., напр.: EER. P. 12, 18, 20.

⁹ EER. P. 24.

¹⁰ См., напр.: *Dudo of Saint-Quentin*. 1997.

¹¹ EER, Introduction. P. xxii, xxiv-xxv.

Великого: если потомки по линии Эммы — легитимные, и потому являются воплощением сугубо положительных качеств, то потомки по линии Эльфгифу — полная противоположность; они рождены от греховного союза, не освящённого церковью, и потому аморальны, коварны, завистливы, алчны, стремятся узурпировать престол, плетут заговор — в общем, связь легитимности и благородства происхождения с личными качествами отпрысков здесь очевидна и является характерной чертой феодальной морали¹². Что же касается второго, то здесь наиболее яркой иллюстрацией может служить история с Эдриком Стреоной; этот высокопоставленный английский аристократ, близкий ко двору, во время решающей битвы с датчанами при Эшингдоне (1016 г.) перешёл со своими войсками на сторону датчан, что привело к поражению английской армии. Однако, после своего вступления на английский престол Кнут Великий не оправдал ожиданий Эдрика, надеявшегося на щедрое вознаграждение и милости со стороны нового монарха за свой поступок, а, наоборот, приказал казнить предателя, мотивируя этот шаг недоверием к человеку, нарушившему лояльность своему господину¹³. Подобный сюжет мы можем наблюдать в литературных произведениях самых разных народов мира¹⁴, и везде он имеет сугубо морализаторскую функцию — осуждение предательства, нарушения обязательств верности, что, по понятным причинам, особенно осуждалось в среде военной знати.

Поскольку «Панегирик» затрагивает реальные исторические события, существенно повлиявшие на судьбу не только Англии, но и скандинавских государств, вошедших в державу Кнута Великого, то неизбежно возникает вопрос — насколько достоверными можно считать сведения этого источника, автор которого изначально позиционировал цели, отличающиеся от целей хронистов? Можно ли вообще судить по нему об исторической памяти современников о данных событиях, если «Панегирик» написан даже не уроженцем Англии, а иноземным монахом, скорее всего, далёким от этих событий и их глубокого осмысления, более того — писавшим это произведение фактически по заказу датских правителей Англии с целью их прославления?

Очевидно, для ответов на эти вопросы оптимальным вариантом будет сопоставление с другими источниками. Так, например, целесообразно сравнить описание восшествия на датский престол Свена Виллобородого, будущего покорителя Англии, в разных нарративных источни-

¹² EER. P. 38-42.

¹³ EER. P. 32.

¹⁴ См., напр., схожий сюжет о наказании клятвopеступника Чингисханом: Козин. 2002. С. 98.

ках. Свен взойшёл на датский престол в конце 980-х гг., одержав верх в междоусобице с собственным отцом, Харальдом Синезубым. Поводом к ней, как сообщают скандинавские саги, стали настойчивые просьбы Свена к отцу о разделении власти с ним. Согласно немецкому хронисту Адаму Бременскому, неплохо осведомлённому о скандинавских делах, Свена выдвинула в качестве претендента на престол языческая оппозиция (по всей вероятности, военная), недовольная христианизаторской политикой Харальда Синезубого в Дании; Адам Бременский называет их «заговорщиками против христианства»¹⁵. Активную военную поддержку Свену оказали легендарные йомсвикинги — воинское братство, напоминавшее более поздние рыцарские ордена и базировавшееся, вероятно, на острове в устье Одера. Так или иначе, в сражении с флотом отца Свен был разбит, но Харальд умер от ран, поэтому престол всё равно достался Свену¹⁶. Однако, уже через год он попал в плен то ли к шведам, то ли к западным славянам (вендам), был выкуплен, затем, по легендам, несколько лет скитался по чужим землям, став в итоге викингом и проведя всю дальнейшую жизнь в заморских походах, мало уделяя внимания собственно датским делам¹⁷. Видимо, поэтому, как отмечает П. Сойер, о царствовании Свена Виллобородого известно крайне мало¹⁸. Имеются весьма противоречивые сведения об отношении Свена к христианству, на чём основываются и характеристики его личности. Адам Бременский, например, говорит об эволюции Свена от «безжалостного язычника» и «отцеубийцы» к обратившемуся христианину, даже учредившему в Дании три епископства и умершему в «христианской благодати»¹⁹. Известный британский историк Ч. Оман даёт Свену крайне отрицательную характеристику, называя его «одним из последних представителей поколения языческих королей-разбойников», «жестоким варваром», «убийцей священников» и «поджигателем церквей»²⁰, считая его ни много, ни мало лидером языческой оппозиции в Дании. Скандинавские саги предлагают более взвешенный вариант, указывая на то, что, если Харальд Синезубый насаждал в Дании христианство в обязательном порядке, то Свен, живя в основном завоевательными походами, попросту не уделял этому внимания, и поэтому в некоторых местах началось возрождение язычества, хотя христианская церковь

¹⁵ *Adam von Bremen*. 1917. P. 87.

¹⁶ *Снопру Стурлусон*. 1995. С. 119.

¹⁷ Там же; *Adam von Bremen*. 1917. P. 91.

¹⁸ *Sawyer*. 1982. P. 139.

¹⁹ *Adam von Bremen*. 1917. P. 94-95.

²⁰ *Oman*. 1938. P. 559, 574.

отнюдь не перестала функционировать²¹. Сведения же об обращении Свена в христианство ограничены упоминанием о его крещении около 976 г. Таким образом, это был скорее всё-таки языческий по духу король-воин, вроде русского Святослава, склонный к военным авантюрам за пределами родины и обычно для таких же современников участвовавший в междоусобицах, в том числе против ближайшей родни.

В «Панегирике королеве Эмме» мы видим совсем другой портрет Свена. Это абсолютно позитивный персонаж, отмеченный печатью божественной благодати уже чуть ли не с рождения; он любим народом и армией, обладает едва ли не всеми возможными добродетелями, и за это его ненавидит собственный отец, который в своей слепой злобе и зависти к популярности сына доходит до того, что вынашивает идею изгнать Свена из страны и лишить его права престолонаследия. Это вызывает возмущение в войсках, которые массово встают на сторону Свена, и в результате происходит междоусобица между отцом и сыном, в которой Харальд терпит поражение, и престол переходит к Свену. Разумеется, далее Свен характеризуется как исключительно мудрый и положительный правитель, при котором дела идут наилучшим образом²².

Не менее тенденциозно в «Панегирике» освещается мотивировка вторжения датчан в Англию. Автор указывает, что у Свена Виллобордого как будто бы спонтанно зрела идея «завоевать Англию силой оружия и добавить её к пределам своей державы»²³. Решающим импульсом, подтолкнувшим его к реализации этой идеи, якобы стало давление придворной военной элиты, которая убеждала Свена в необходимости этого, приводя ему в пример удачливого датского полководца Торкеля, уже несколько лет воевавшего в Англии и награбившего там много богатств, но в итоге перешедшего со своим войском на английскую сторону с целью комфортного поселения в Англии²⁴. Между тем, истоки англо-датской конфронтации были гораздо древнее и существеннее, чем мы видим в этом описании. С одной стороны, они лежали в не прерывавшейся уже более столетия традиции набегов викингов, обусловленных внутренним состоянием скандинавского общества и служивших своего рода средством «сброса» избыточного населения, не имевшего достаточных средств к существованию у себя на родине. Возникновение ранней государственности в Скандинавии как раз в рассматриваем-

²¹ *Снорри Стурлусон*. 1995. С. 153.

²² EER. P. 8, 10.

²³ EER. P. 10.

²⁴ *Ibidem*.

мое время отнюдь не пресекло эту традицию, а, наоборот, поставило её на совершенно новую ступень: разрозненные отряды пиратов во главе с мелкими вождями сменились многочисленными и хорошо управляемыми армиями и флотами молодых государств во главе с королями, для которых прежняя практика морских набегов была сколь обыденным, столь и престижным занятием. С другой стороны, поводом к обострению англо-датских отношений во многом послужила так называемая «резня в день св. Брайса» в Англии (1002), в ходе которой погибла сестра Свена, и это стало побудительным мотивом к кровной мести с его стороны²⁵. В свою очередь, резня была проявлением реакции Этельреда на участвовавшие набеги викингов на Англию, которые в конце X в. стали постоянно практиковать как раз такие короли-викинги, как Свен Вилобородый или Олав Трюгвасон²⁶. Обо всём этом пласте проблем автор «Панегирика королеве Эмме» умалчивает, хотя трудно представить, что человек, близкий ко двору воспеваемых им правителей, мог совершенно не знать этих подробностей.

Наконец, особый интерес представляет описание борьбы за престол после смерти Кнута Великого между двумя линиями потомков последнего от двух жён. Ситуация вокруг английского трона в немалой степени осложнялась ещё и таким фактором, как существование в эмиграции представителей старой английской (уэссекской) династии, свергнутой Кнутом, но, по всей вероятности, не оставлявшей надежд на реставрацию. В этой связи, для датских правителей всякое упоминание об этой династии было, по-видимому, крайне неудобным. Вряд ли можно объяснить иными причинами, в частности, тот факт, что в «Панегирике» практически совсем не упоминается король Англии Этельред, с которым, собственно, и вели войну Свен Вилобородый и Кнут. По меньшей мере странно, даже с точки зрения канонов эпических произведений, что имя и личность главного противника героев произведения совершенно обойдены молчанием, тогда как логичнее было бы, наоборот, представить читателю красочное описание сильного и хитрого врага, победа над которым только прибавляла бы очков прославляемым в произведении датским властителям. Между тем, английская воюющая сторона представлена в произведении довольно абстрактно и безлико, неперсонифицированно; при этом, неоднократно говорится о храбрости и воинском духе англосаксов, но, тем не менее, из их предводителей ав-

²⁵ Подробнее см.: Горелов. 2003.

²⁶ Горелов. 2007. С. 47-55.

тор удостаивает наибольшим вниманием разве что Эдмунда Железнобокого, да и то величает его не более чем «юношей» (*juvenis*) или «предводителем» (*princeps*)²⁷, явно не ставя его легитимность как правителя вровень с Кнутом. Тем же термином автор обозначает короля Этельреда — в единственном месте, где он хоть как-то упоминается (даже не по имени, будто речь идёт о каком-то малозначимом князьке)²⁸. Ещё более рельефно тема «умолчания» об англосаксонской династии выступает в описании брака Кнута и Эммы в 1017 г. Автор совершенно игнорирует всю предыдущую биографию Эммы, а именно — её замужество за Этельредом и наличие наследников от этого брака. Второй брак Эммы с Кнутом изображается так, будто он — первый и единственный, а невеста даже называется словом «дева» (*virgo*)²⁹. Тем самым, прежней английской династии как бы не существует; дело представлено таким образом, что завоевателю Англии Кнуту, уже наладившему мирную жизнь в королевстве и решившему все внутригосударственные проблемы, не хватает якобы лишь достойной жены, каковую он и обретает через сватовство к Эмме, словно всю жизнь подготовляемой провидением к этой роли³⁰. Также ничего не говорится о детях Эммы от Этельреда, живших в эмиграции на континенте; этих потенциальных претендентов на английский трон тоже как бы не существует — таким видится официальный пропагандистский дискурс датских правителей, озвучиваемый «Панегириком». Впрочем, косвенное упоминание о них всё-таки есть: когда у Кнута и Эммы рождается будущий наследник престола Хартакнут, родители, по словам панегириста, «отправили других своих законных сыновей в Нормандию, чтобы они росли там»³¹. Между тем, в Нормандии проживали именно потомки Эммы от первого брака с Этельредом — Альфред и Эдуард (будущий Исповедник), причём ещё с 1014 г., задолго до рождения Хартакнута, вынужденные бежать туда в связи с датским нашествием. Таким образом, автор «Панегирика» в данном случае пишет заведомую ложь с целью исключить всякое упоминание о прежней династии.

Вместе с тем, этот трюк совершенно не мешает панегиристу затем писать о событиях с участием тех самых сыновей Эммы от первого брака, а именно — о перевороте, который в 1036–1037 г. совершил сын

²⁷ EER. P. 22, 24.

²⁸ EER. P. 22.

²⁹ EER. P. 32.

³⁰ Ibidem.

³¹ EER. P. 34.

Кнута Великого от Эльфгифу Харальд, и в котором в качестве конкурента Харальда в борьбе за престол выступил не кто иной, как Альфред — сын Этельреда и Эммы, живший в Нормандии. «Панегирик» излагает драматичную историю коварного заговора, в ходе которого Харальд сначала завлек подложным письмом (якобы от имени Эммы) Альфреда в Англию, а потом вероломно захватил его в плен и жестоко убил³². Однако автор не объясняет сколько-нибудь внятно мотивы этого деяния Харальда, видя в них примитивную злобу и желание узурпатора запугать Эмму, которую он потом изгнал из страны. С точки зрения престолонаследия, Харальду логичнее было бы плести заговор против легитимного наследника — Хартакнута, который, впрочем, был недосягаем, пребывая в Дании. Отпрыски же Эммы из уэссекской династии имели в тот момент крайне мало шансов на английский престол, будучи, фактически, беженцами. В случае вступления в эту борьбу им пришлось бы бороться как с Хартакнутом, опиравшимся на датскую военную мощь, так и со сторонниками Харальда, засевшими в Англии, что было бы им вряд ли по силам. С учётом всего этого, напрашивается вывод, что главной целью панегириста в этом отрывке было очернение самозванца Харальда, в борьбе с партией которого на английский престол в 1040 г. и взойшёл Хартакнут — законный наследник Кнута Великого с точки зрения датской династии. История с убийством Альфреда придаёт облику Харальда крайне негативные черты — коварство, подлость, жестокость; автор даже сравнивает его с мучителями ранних христиан, описывая расправу с Альфредом и его спутниками³³. На фоне этого прибытие Хартакнута со своими сторонниками и восшествие его на престол выгодно смотрится как счастливый финал произведения, победа праведных сил над силами зла, имеющий ярко выраженный литературный характер и библейские коннотации. Между тем, «Англосаксонская хроника», например, приписывает пленение и расправу над Альфредом совершенно другому лицу — влиятельному магнату, эрлу Годвину, фактически правившему югом Англии (Уэссексом) и во многом определявшему политический расклад в стране — правда, замечает, что это деяние было в угоду Харальду³⁴.

Подводя итоги всему вышесказанному, можно заключить, что «Панегирик королеве Эмме», будучи, безусловно, ярким и захватывающим литературным произведением, выставляет события в том свете, в

³² EER. P. 40-44.

³³ EER. P. 44.

³⁴ The Anglo-Saxon Chronicle, A.D. 1036. <http://omacl.org/Anglo/part4.html>.

каком хотели их видеть датские правители Англии — заказчики этого труда. «Панегирик» отражает историческую память современников — но память именно датской правящей элиты, в которую Эмма Нормандская влилась через брак с Кнутом Великим. Что же касается отношения собственно англосаксов к описываемым в «Панегирике» сюжетам — оно практически никак не отражено на его страницах. Английский народ, да и знать, по сути, выступают статистами в борьбе иноземных династий, персонифицированной в личностях героев «Панегирика» и носящей едва ли не эпический размах. Трудно не согласиться с мнением британских историков о том, что анонимный автор «Панегирика» представляет собой характерный пример наёмного писателя, чей талант красноречия призван в полной мере восхвалять своих нанимателей³⁵.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Горелов М. М.* Датское и нормандское завоевания Англии в XI в. СПб.: Алетейя, 2007.
- Горелов М. М.* Исторический факт: резня в день святого Брайса // Диалог со временем. 2003. № 10. С. 352-357.
- Козин С. А.* Сокровенное сказание. М.: Товарищество научных изданий КМК, 2002.
- Сага об Олаве сыне Трюгтви // *Снорри Стурлусон.* Круг земной. М.: Ладомир, 1995. С. 119-153.
- Adam von Bremen.* Hamburgische Kirchengeschichte. Hannover & Leipzig: Hahn, 1917.
- Dudo of Saint-Quentin.* History of the Normans, translated Eric Christiansen. London, Boydell, 1997.
- Encomium Emmae Reginae. L.: Camden soc., 1949.
- Gransden A.* Historical writing in England c.550 to c.1307. NY: Cornell univ. Press, 1974.
- Oman C.* England before the Norman Conquest, being a History of the Celtic, Roman and Anglo-Saxon periods down to the year AD 1066. L.: Methuen, 1938.
- Stenton F. M.* Anglo-Saxon England. Oxford: Oxford univ. Press, 1943.
- Sawyer P.* Kings & vikings: Scandinavia and Europe AD 700–1100. L.: Methuen, 1982.
- The Anglo-Saxon Chronicle, A.D. 1036. URL: <http://omacl.org/Anglo/part4.html> (время доступа 15.12.2009).

Горелов Максим Михайлович, к.и.н., старший научный сотрудник Центра интеллектуальной истории Института всеобщей истории РАН; heldenhammer@yandex.ru.

³⁵ EER, Introduction. P. xxxv.